

DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00043

А.А. Холиков (Москва)

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К «ЗАВЕТУ БЕЛИНСКОГО»: ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ИЗ РО ИРЛИ И РГАЛИ*

Аннотация. Автор статьи продолжает начатое им в предыдущей публикации текстологическое изучение работы Д.С. Мережковского «Завет Белинского». На этот раз в качестве основных источников используются архивные материалы из Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома) (ИРЛИ РАН) и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Стремясь восполнить имеющуюся лауну в реконструкции истории становления текста «Завета Белинского» от устного выступления к первым публикациям в периодике, а затем и к брошюре, исследователь вслед за газетным вариантом текста в «Биржевых ведомостях», репортажами хроникеров в «Речи» и «Русских ведомостях» привлекает к своему анализу сохранившуюся в РГАЛИ программу московской лекции Мережковского 1915 г., а также автограф и машинопись «Завета Белинского», содержащую несколько слоев правки писателя. Таким образом, в публикуемой статье осуществляется текстологическое сравнение архивных материалов, комментируются и объясняются обнаруженные в ходе сравнительного анализа отличия (характер зачеркиваний и исправлений: от стилистических до композиционных и смысловых). В заключение своих текстологических заметок исследователь расширяет перспективу, дополняя разговор о машинописи и автографе лекции указанием на хранящиеся в РО ИРЛИ подготовительные выписки Мережковского к «Завету Белинского», приводит их рубрику и намечает пути дальнейшего изучения в аспекте постижения творческой лаборатории писателя и уточнения научных представлений о принципах его работы с источниками.

Ключевые слова: текстология; литературная критика; публицистика; В.Г. Белинский; Д.С. Мережковский; газета «Биржевые ведомости»; газета «Речь»; газета «Русские ведомости».

A.A. Kholikov (Moscow)

Textological Notes to the “Belinsky Testament”: Archival Materials from Institute of Russian Literature and Russian State Archive of Literature and Art**

Abstract. The author of the article continues the textological study of D.S. Mer-

* Работа выполнена в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00003).

** The work was done at A.M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the grant of the Russian Science Foundation (RSF, project number 20-18-00003).

ezhkovsky's "Belinsky Testament". The archival materials from the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) (IRLI RAS) and the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI) are used as the main sources in this paper. In an effort to fill the existing lacuna in the reconstruction of the history of creating the "Belinsky Testament" text from an oral presentation to the first publications in periodicals, and then to a brochure, the author, following the newspaper version of the text in "Birzhevye vedomosti", reporting by chroniclers in "Rech" and "Russkiye Vedomosti" draws on to its analysis the program of Merezhkovsky's 1915 Moscow lecture, preserved in the RGALI, as well as the autograph and typescript of "Belinsky Testament", which contains several layers of the writer's revisions. Thus, the present article carries out a textological comparison of the archival materials. It comments and explains the differences found in the course of the comparative analysis (the nature of deletions and corrections: from stylistic to compositional and semantic ones). In conclusion of his textual notes, the author broadens his perspective, supplementing the conversation about typing and autographing the lecture with an indication of Merezhkovsky's preparatory extracts for the "Belinsky Testament" stored in the Manuscript Department of IRLI RAS, gives their heading and outlines ways for further study in terms of comprehending the writer's creative laboratory clarification of scientific ideas on the principles of working with sources.

Key words: textology; literary criticism; journalism; V.G. Belinsky; D.S. Merezhkovsky; newspaper "Birzhevye vedomosti"; newspaper "Rech"; newspaper "Russkiye vedomosti".

В предыдущей статье, посвященной «Завету Белинского» (1915), нами уже была реконструирована история создания этого литературно-публицистического выступления Д.С. Мережковского от лекции к окончательно сформировавшемуся тексту в одноименной брошюре [Холиков 2020]. В качестве источников мы привлекли тогда собранные по периодике и преимущественно не переиздававшиеся материалы времен Первой мировой войны (в том числе газетные хроники). Они позволили не только произвести текстологический анализ, изучить характер авторской правки и привести аргументы, касающиеся выбора основного текста «Завета Белинского», но также систематизировать и осмыслить отклики первых слушателей и читателей Мережковского – критиков и рецензентов. Несмотря на то что намеченные нами пути дальнейшего изучения этого выступления были ориентированы на его метатекстовые связи и автобиографический подтекст, нереализованным осталось исследование архивных материалов. Задача настоящей статьи – восполнить эту лакуну.

Сегодня мы располагаем сведениями, которые расширяют и детализируют выводы, сделанные нами ранее. Помимо расписки Мережковского в книгоиздательство «Прометей» о получении 135 рублей в счет гонорара за книгу «Завет Белинского» [РГАЛИ. Ф. 327. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1] в том же архиве хранится программа лекции, прочитанной Мережковским 5 марта 1915 г. в Москве [РГАЛИ. Ф. 2679. Оп. 1. Ед. хр. 1203. Л. 1]. Согласно ей, выступление на тему «"Завет Белинского" (Религиозность и обществен-

ность русской интеллигенции)» состоялось в новой Большой аудитории Политехнического музея (начало – в 20:00, ответственный устроитель – П.П. Клименко). Здесь же приведены тезисы лекции. Ввиду важности и труднодоступности этого документа воспроизведем их целиком:

«Приговор Достоевского над Белинским. Лучший ответ на вопрос, что такое Белинский, дают его письма.

Аскетизм Белинского. Внешний аскетический облик. Физическая беспомощность, неприспособленность к миру. “Я человек не от мира сего”. Аскетические черты из жизни Белинского. Отречение от отца и матери. Нищета – “бессребренность”. Отношение к женщинам. Писательство <–> “мученичество”. Аскетизм в “разрушении эстетики”.

Бессознательное подвижническое христианство – русская суть Белинского. Не поняв этого, Достоевский ничего не понял в Белинском.

Мнимый атеизм Белинского – действительная жажда Бога. Бессознательная религиозная стихия при отсутствии религиозного сознания.

Трагическое противоречие между стихией религиозной и общественной. “Вечная движимость”, “неистовство Белинского”. “Виссарион неистовый”. Мысль, как страсть и страдание. Кажущаяся жизнь ума – действительная жизнь сердца.

Все сознательное мышление Белинского – бессознательные поиски веры. Три мысли, три веры: Бог, человечество, человек. Белинский не сумел замкнуть круг своего сознания, соединить три мысли, три веры в одну.

Раздвоение сознания от раздвоения чувства и воли. Как бы двое Белинских: “Виссарион смиренный” и “Виссарион неистовый”. Один в стихии религиозной, другой в общественной.

Неизбежное, при полном сознании, соединение этих двух стихий. Религиозное сознание Белинского незаконченно и двойственно. Глубина и цельность религиозной жизни бессознательной. Спор Достоевского с Белинским. Правда Достоевского в личности. Правда Белинского в общественной.

Спор в самом Белинском двух начал <:> религиозно-личного и общественного, Виссариона Смиренного и Виссариона неистового. Примирение этих двух начал – завет Белинского».

С приведенным текстом этой программы дословно совпадают некоторые пассажи, примыкающие к автографу лекции [см.: РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 49–50].

О московском выступлении Мережковского сообщили «Русские ведомости». По словам анонимного хроникера, «аудитория была переполнена, и лектора встретили и проводили дружными аплодисментами» [Лекция Д.С. Мережковского 1915, 4]. Судя по этому отчету, Мережковский не отступал от заявленного в программе плана, но читатель газеты имел возможность ощутить зримую связь между обращением к Белинскому и злобой дня (неочевидную при знакомстве с программой). В частности, отмечалось, что «тема лекции – русская интеллигенция, задача лекции –

ответить на вопрос, существует ли русская интеллигенция, как связанная с народом духовная сила, представляет ли она собой подлинную выразительницу русского народного сознания и русской народной совести» [Лекция Д.С. Мережковского 1915, 4]. И далее – актуальное: «В последнее десятилетие это часто отрицают; особенно горячо нападали на интеллигенцию “веховцы”, – и в этом они – ученики Достоевского, который учил, что безбожная интеллигенция не может быть представительницей народобогоносца» [Лекция Д.С. Мережковского 1915, 4]. Еще острее социальная проблематика будет выражена в первой публикации «Завета Белинского» в двух утренних выпусках газеты «Биржевые ведомости» за 1915 г. [см.: Мережковский 1915 а; Мережковский 1915 б], и своего максимума она достигнет в появившейся следом одноименной брошюре, о чем нам уже приходилось писать. Впрочем, градация эта ощущается только при знакомстве с печатными источниками. Для слушателей лекции ее общественно-политический пафос, как мы вскоре убедимся, мог раскрыться сразу и во всей полноте.

Напомним, что в конце февраля Мережковский с успехом прочел эту же лекцию в Петербурге (см. отчет в «Речи»: [Д.С. Мережковский о «завете Белинского» 1915, 5]). Очевидно, что оба выступления в основе своей имели один и тот же текст, машинопись которого хранится в РО ИРЛИ. На первом, отдельном листе указано название – «Завет Белинского». Ниже рукой автора в скобках вписан подзаголовок «Религиозность и общественность русской интеллигенции» и жанровое определение – «Публичная лекция». На следующей странице название повторяется (но вместо подзаголовка, тоже в скобках и такими же чернилами, – «Лекция»). Наконец, перед основным текстом название сопровождается набранным на машинке подзаголовком «Публичная лекция» [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 1–3]. В репортаже «Речи» лекция не имеет того подзаголовка, который зафиксирован в московской программе и сохранился при дальнейшей публикации, – «Религиозность и общественность русской интеллигенции». Репортер лишь указал на то, что «лектор начал с извинения», и прямо процитировал Мережковского: «Я знаю, как трудно отвлечь внимание от великих событий, которые теперь происходят. Но тема моей лекции – о религиозности и общественности русской интеллигенции – не так далека от этих событий, как это кажется» [Д.С. Мережковский о «завете Белинского» 1915, 5]. В машинописи автора преамбула звучит так: «Прежде чем приступить к лекции, я должен извиниться. Мучительно-трудно отвлечь внимание от великих событий, которые сейчас происходят. Если я все-таки решаюсь на это, то потому что лишен возможности говорить об этих событиях, а также потому что надеюсь отвлечь от них ваше внимание не так далеко, как это может казаться» [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 3]. И здесь же: «Моя тема – русская интеллигенция» [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 3], после чего – пассаж, полностью совпадающий с началом опубликованного текста «Завета Белинского», переданный «Речью» в сокращении.

Обращение к сохранившемуся в РО ИРЛИ автографу лекции Мережковского подтверждает, что машинопись была сделана с него. Сравнение архивных материалов выявляет преимущественно стилистическую правку автора и некоторые перестановки цитат. Сюда же следует отнести отдельные зачеркивания (заключены нами в квадратные скобки). Вероятно, автор посчитал избыточным завершение своего высказывания о Достоевском: *«Ведь главное дело всей жизни его, завет его – покаяние во грехах интеллигенции, борьба с интеллигенцией[, с русским освобождением, потому что эти два понятия – интеллигенция и освобождение для Достоевского сливались в одно]»* [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 4]. Аналогичный пример: *«Ведь, опять-таки на примере Белинского мы видели, что наша совесть вся насквозь религиозная, христианская[, а наше сознание в невыносимом противоречии с нашею совестью]»* [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 8] (вычеркнуто красным карандашом; в обоих случаях цитируется автограф с преамбулой и концовкой лекции, имеющий отдельную нумерацию). Мережковский снимает лишние, с его точки зрения, комментарии и перечисления: *«Вот когда начал “поститься”, “подвижничать”. [Это как будто из “жития иноческого”]»* [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 9]; *«Не чувство ли пола и вообще плоти, как неразложимое чувство греха[, тлена, скверны, “жала сатаны”] – физиологический корень “монашества”?»* [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 12] (оба раза – чернилами). Сюда же – вычеркнутый синим карандашом риторический вопрос *«Не похоже ли это на монашескую исповедь?»* [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 11–12] после цитаты из Белинского: *«Мне кажется, я влюблен страстно во все что носит юбку. При виде женщины или промелькнувшего женского платья, я уже не краснею, но бледнею, дрожу и чувствую головокружение»* [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 11]. Отсутствие более серьезных отличий позволяет нам в дальнейшем апеллировать к машинописному варианту лекции Мережковского. Сопоставительный анализ появившихся отчетов о ней с первой публикацией в «Биржевых ведомостях» привел к тому, что газетный текст отличался от устного выступления прежде всего стилистически (если не считать вводных «извинений» лектора перед слушателями, опущенных при публикации). Обращение к автографу и машинописи лишний раз подтверждает это, но вместе с тем вынуждает сделать ряд существенных с текстологической точки зрения уточнений.

Правка Мережковского в машинопись вносилась, по всей вероятности, в разное время. Характер зачеркиваний и исправлений позволяет предположить, что сначала она делалась чернилами и красным карандашом, а уже после – синим и простым. В свою очередь, сравнение первой публикации с брошюрой убеждает, что коррективы на уровне машинописи предназначались для подготовки газетного варианта текста, а не отдельного его издания.

Ориентацию на печатное слово выдают графические исправления: то, что в машинописи подчеркнуто от руки, в публикации почти всегда

набрано вразрядку; отмечены дополнительные абзацные отступы; кроме того, сместилась нумерация первой части. Автор простым карандашом зачеркнул римскую цифру «I», стоявшую перед цитатой из воспоминаний И.С. Тургенева о внешнем облике В.Г. Белинского (из чего следует, что в лекции вступительная часть завершалась призывом Мережковского взглянуть «в лицо» критика: «...чтобы услышать говорящего, как следует, надо сначала увидеть, кто говорит» [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 6–7]), и перенес ее ближе к началу текста. Благодаря этой перестановке основная часть стала начинаться цитатой из Ф.М. Достоевского, который вынес Белинскому «приговор»: «“Этот человек ругал мне Христа”. Он “бил по щекам свою мать” – Россию. “Это было самое смрадное, тупое и позорное явление русской жизни”. Таков приговор Достоевского над Белинским» [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 6]. При этом в машинописи отсутствует нумерация последней части (в публикации – «VI»), которая служит заключением к лекции и начинается с новой страницы.

Большинство авторских исправлений носит сугубо технический (пунктуационный, орфографический) или, как уже говорилось, стилистический характер. Мережковский стремится избавиться от лишних слов (включая союзы, местоимения) и повторов. Например: «Об этом действительно или мнимом “безбожии” [русской интеллигенции] я и хочу говорить [с вами] по поводу Белинского, первого русского интеллигента» [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 5] (здесь и далее в квадратных скобках – не вошедшее в публикацию). Реже писатель добавляет слова, в целом не меняющие смысл высказывания. Ср.: «“Неистовство” и есть эта вечная “движимость” – *мятежность*, “*революционность*”» [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 19] (здесь и далее курсивом – вписанное автором от руки). Между тем далеко не все исправления, внесенные Мережковским в машинопись, нашли отражение в опубликованном тексте. Так, даже в одном предложении, содержащем две рукописные вставки (причем обе выполнены чернилами и, похоже, разом), первая сохраняется при публикации, а вторая – нет: «Однажды, на *званом* вечере у кн. [Вл. Фед.] Одоевского...» [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 9]. Подобных примеров немало, и они вряд ли заслуживают перечисления из-за своей незначительности. Некоторые исключения в этом ряду – зачеркнутые в машинописи, но сохранившиеся при печати слова Белинского об отце, который его «ругал, унижал, придирался, бил нещадно»: «...вечная ему память!» [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 11]; вписанное от руки, но так и не вошедшее в публикацию слово «*женоненавистники*» (причем в автографе оно изначально было вычеркнуто самим автором [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 11]), поставленное рядом с «великими девственниками», применительно к которым Мережковский заявляет: «Никто так не чувствует соблазна женского...» [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 12]; добавленная синим карандашом, но так и не дошедшая до печати характеристика «духа Достоевского» как «духа *вражды к интеллигенции*», который «с 1905 года начал возрастать <...> и в наши дни возрос, как еще никогда» [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 32].

Редкий случай среди исправлений, внесенных в машинопись, не увидевших свет в газетном варианте текста, но зафиксированных в изданной позднее брошюре, – зачеркнутое простым карандашом указание на источник цитаты: «(Головачева-Панаева)» [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 17]; «– “Бакунин – космополит в душе... А что же я-то буду делать, если меня оторвать от моей почвы?.. Ведь, это было бы то же, что захотеть развести в Италии березовую рощу”» [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 17]. Ср. с первоисточником: «...он космополит в душе; <...> А что же я-то буду делать, если меня оторвать от моей почвы <...> Ведь это было бы одно и то же, – что захотеть развести в Италии березовую рощу...» [Головачева (Панаева) 1889, 558] (см. также: [Панаева (Головачева) 1986, 133]). Этот исключительный пример подтверждает, что исчезновение отсылки к источнику в брошюре не было ошибкой наборщика и отвечало воле автора, но не отрицает главного для нас вывода: сохранившуюся в РО ИРЛИ беловую машинопись лекции писатель использовал как черновик для внесения по большей части косметических, но вовсе не окончательных правок при подготовке газетного текста «Завета Белинского».

Содержательных расхождений между устным выступлением и первой публикацией немного. Во-первых, Мережковский собственноручно, простым карандашом, вычеркнул из машинописи своей лекции страницы [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 24–29], которые соответствуют фрагменту, позднее добавленному в IV часть одноименной брошюры [Мережковский 1915 с, 29–34] (с ничтожными стилистическими расхождениями), но отсутствовавшему в «Биржевых ведомостях» (после слов: «От одного к другому, от “монашества” к “неистовству”, от религии к революции – таков путь Белинского, первого русского интеллигента и, может быть, всей русской интеллигенции» – и до фразы: «Круг сознания не замкнут; но когда замкнется, то, может быть, и революционная мысль о человечестве-обществе соединится с религиозной мыслью о человеке-личности» [Мережковский 1915 в, 2]). В автографе лекции этот фрагмент не вычеркнут, но (вероятно, позднее) выделен на полях синим карандашом [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 30–38]. Думается, что Мережковский руководствовался не цензурными опасениями, хотя в данной купюре разговор действительно выходил в политическую плоскость в связи с критикой самодержавия и православия, увлечением Белинского революционной идеей социализма, его близостью с анархистом М.А. Бакуниным. Скорее всего, автору пришлось сократить текст по объективным причинам, чтобы уместиться в рамки «подвала», отведенного ему в двух номерах «Биржевых ведомостей». Формат брошюры был менее стесненным в этом отношении, и писатель без труда восстановил фрагмент, который и в самом деле отличался общественно-политической остротой.

Во-вторых, V часть машинописи содержит рукописную вставку, которая, исходя из характера правки, предназначалась уже не для устного выступления, а для газеты. Мережковский чернилами на обороте листа вписал цитату из воспоминаний «одной современницы» Белинского: «В

последний раз я была у Б. за неделю до его смерти <...> застали мы его полулежащим на кресле, лицо у него было совершенно мертво, но глаза огромные и блестящие; всякое дыхание его было стон» [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 30 об.]. При публикации эта цитата слилась с другой из тех же воспоминаний. Многоточия, указывающего на имеющийся в цитате пропуск, у Мережковского нет. Ср.: «В последний раз я была у него за неделю до его смерти; застали мы его полулежащим на кресле, лицо у него было совершенно мертво, но глаза огромные и блестящие; всякое дыхание его было стон <...> Перед самой смертью он говорил два часа не переставая, как будто к русскому народу, и часто обращался к жене, просил ее все хорошенько запомнить и верно передать эти слова кому следует; но из этой длинной речи почти ничего уже нельзя было разобрать...» [Тургенев 1983, 52; впервые: Тургенев 1869, 695–729] (Мережковский, судя по всему, использовал издание наследников братьев Салаевых «Сочинения И.С. Тургенева» в 10 томах [см.: Тургенев 1880, I, 19–62]).

В «Биржевых ведомостях», как и в отдельном издании «Завета Белинского», эта склеенная цитата присутствует. Но если в газете указание на «Воспоминания» Тургенева при ней остается, то в брошюре – исчезает [Мережковский 1915 с, 38]. Возможно, здесь, как и в случае с Головачевой-Панаевой, Мережковский стремился скрыть цитирование «из вторых рук». У читателя его работы возникает ощущение прямого разговора Белинского с Бакуниным: «Когда Бакунин предложил ему покинуть навсегда Россию, Белинский пришел в ужас...» [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 17] – эти слова предпосланы той самой цитате из «Воспоминаний» Головачевой-Панаевой, где обнаруживается ее роль в качестве посредника: «Мне удалось только на другое утро сообщить ему то, что просил меня передать Бакунину» [Головачева (Панаева) 1889, 557]. Своеобразным посредником выступает и Тургенев, завершая свои воспоминания о Белинском «сообщением письма одной близкой ему дамы» от 11 (23) июня 1848 г. [Тургенев 1983, 51], имя которой он не называет, да и письмо приводит с купюрами. Однако известно, что имелась в виду Александра Петровна Тютчева, жена Николая Николаевича Тютчева – приятеля Белинского (см. полный текст письма: [Белинский в неизданной переписке... 1950, 196–197]).

Наконец, в заключительной части машинописи встречаем фразу, которая вряд ли могла сохраниться при публикации, поскольку предназначалась для устного выступления и непосредственно отсылала к вводному «извинению» Мережковского о связи его публичной лекции с «великими событиями» современности: «Я кончу тем же, чем начал. [Если вы почувствовали реализм поставленного мною вопроса, – задача моя исполнена]» [РО ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 35].

В завершение наших текстологических заметок укажем, что в РО ИРЛИ хранятся не только машинопись и автограф лекции, но и подготовительные выписки Мережковского к «Завету Белинского». Они сгруппированы автором по одиннадцати рубрикам: «I. О своей жизни. II. О себе.

III. Литература. IV. Действительность и отвлеченность. V. Женщины, карты. VI. Социализм, революция. VII. Личность, как начало метафизическое. VIII. Религия. IX. Бакунин, Катков и пр. X. Европа. XI. Россия» [ИРЛИ. Ф. 177. Ед. хр. 24.232. Л. 1] – и представляют самостоятельный интерес для изучения творческой лаборатории писателя, принципов его работы с источниками. По этой проблеме нами уже ведутся отдельные разыскания, превосходящие по объему задачи и границы представленного здесь исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Предисл. и ред. А. Осокина; публ. и коммент. М. Барановской, Н. Бродского, Ю. Красовского, Л. Ланского, Н. Розенблюма, Н. Соколова, В. Спиридонова, Я. Черняка и Н. Эфрос // Литературное наследство. Т. 56. Кн. II. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 196–197.

2. Головачева А.Я. (Панаева). Воспоминания // Исторический вестник. 1889. Т. 35. С. 531–561.

3. Д.С. Мережковский о «завете Белинского» // Речь. 1915. 28 февраля. № 57. С. 5.

4. Лекция Д.С. Мережковского // Русские ведомости. 1915. 6 марта. № 53. С. 4.

5. (а) Мережковский Д. Завет Белинского (Религиозность и общественность русской интеллигенции) // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. 11 (24) апреля. № 14777. С. 2.

6. (б) Мережковский Д. Завет Белинского (Религиозность и общественность русской интеллигенции) // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. 16 (29) апреля. № 14787. С. 2.

7. (с) Мережковский Д.С. Завет Белинского: Религиозность и общественность русской интеллигенции. [Пг.: «Прометей» Н.М. Михайлова, 1915].

8. Панаева А.Я. (Головачева). Воспоминания / Вступ. ст. К.И. Чуковского; прим. Г.В. Краснова и Н.М. Фортунатова. М.: Правда, 1986.

9. Тургенев И.С. Воспоминания о Белинском // Вестник Европы. 1869. № 4. С. 695–729.

10. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 11. М.: Наука, 1983.

11. Тургенев И.С. Сочинения: в 10 т. М.: насл. бр. Салаевых, 1880.

12. Холиков А.А. «Завет Белинского» в изводе Д.С. Мережковского: от публичной лекции к брошюре (история текста и его литературно-критического восприятия) // Новый филологический вестник. 2020. № 3 (54). С. 116–130.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Kholikov A.A. “Zavet Belinskogo” v izvode D.S. Merezhkovskogo: ot publichnoy leksii k broshyure (istoriya teksta i ego literaturno-kriticheskogo vospriyatiya) [“Belinsky Testament” in the Editorship of D.S. Merezhkovsky: from Public Lecture to

Brochure (History of the Text and Its Literary Critical Perception)]. *Novyy filologicheskyy vestnik*, 2020, no. 3 (54), pp. 116–130. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Osokin A. (ed., pref.), Baranovskaya M., Brodskiy N. et al. (publ., comment.) *Belinskiy v neizdannoy perepiske sovremennikov (1834–1848)* [Belinsky in the Unpublished Correspondence of His Contemporaries (1834–1848)]. *Literaturnoye nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 56. Book 2. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1950, pp. 196–197. (In Russian).

Холиков Алексей Александрович, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Доктор филологических наук, доцент кафедры теории литературы филологического факультета МГУ; ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН. Научные интересы: история русской литературы Серебряного века, теория литературы, текстология.

E-mail: aakholikov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-8462-0738

Alexey A. Kholikov, Lomonosov Moscow State University; A.M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences.

Doctor of Philology, Associate Professor at the Department of Theory of Literature, Philological Faculty, MSU; leading researcher, IWL RAS. Research interests: history of Russian literature (Silver age), theory of literature, textual criticism.

E-mail: aakholikov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-8462-0738